

Грохочущий звук раскатился по каменной комнате.

Тело Ли Сюэчэня вместе с летящими осколками камня врезалось в стену. Сама стена ничуть не пострадала, а вот он сам уже корчился от невыносимой боли. Каждая кость в его теле словно была раздроблена в пыль жерновами, по меньшей мере четыре ребра сломаны, и, если бы на его месте оказался обычный смертный, он наверняка бы уже умер.

Более того, чудовищная духовная давящая аура свирепо вжала Ли Сюэчэня в землю, пригвоздив к полу и лишив возможности пошевелиться.

В этот самый момент, хотя в груди Ли Сюэчэня все еще клокотала и бушевала необузданная жажда, ему уже было не до того. Из последних сил он приподнял голову и наконец разглядел того, кто ворвался сюда.

Незванный гость был строен, изящен и благороден, облачен в длинные белые одежды, черные волосы сияли естественным блеском, вокруг его тела то и дело проступало золотое сияние, а между бровей распускался восьмилепестковый золотой лотос, источавший мириады лучей — столь ослепительных, что на них невозможно было смотреть прямо.

Зубы Ли Сюэчэня стучали от ужаса. Он уже узнал этого человека, но до последнего не смел поверить, почему тот вдруг оказался здесь.

Саньшэн Сюаньлинцзы равнодушно опустил взгляд на поверженного, жалко распростертого на полу Ли Сюэчэня. В его глазах не было ни печали, ни радости, улетучились даже недавние гнев и ненависть. Он смотрел на Ли Сюэчэня как на бездушный предмет, отчего по спине последнего побежали мурашки, а в груди зародилось леденящее предчувствие: стоило ему лишь шевельнуться, как этот человек без колебаний лишит его жизни.

— Только что... это ты касался одежд моего ученика этими руками?

Низкий, приятный и холодный голос прозвучал пугающе спокойно.

Ли Сюэчэнь к тому моменту уже был не в силах вымолвить ни звука, изнуренный болью и отравляющим ядом, поэтому, разумеется, не ответил.

Однако Сюаньлинцзы и не ждал ответа. С бесстрастным выражением лица он взмахнул рукой, и в тот же миг сверкнуло золотое лезвие меча! Клинок духовной энергии метнулся напрямик к рукам Ли Сюэчэня, насквозь пробив обе его ладони!

— А-а-а-а!

Из глаз Ли Сюэчэня брызнули слезы от невыносимой боли, по лицу потекли сопли. Он в ужасе смотрел на возвышающегося над ним почтенного мастера. А тот холодным голосом продолжил:

— Только что... это ты смотрел на тело моего ученика этими глазами?

— А-а-а-а!

Кровавые слезы ручьями хлынули из глаз Ли Сюэчэня. Даже зловещие раскаты грома, гремевшие в небесах, не смогли остановить Сюаньлинцзы. Сложив два пальца вместе, Сюаньлинцзы продолжал удерживать между ними струящуюся золотую ци меча, а его длинные узкие глаза феникса безмолвно взирали на истерзанное тело, распростертое на земле.

— Выходит, это ты, Ли Сюэчэнь, посмел снова поднять руку на моего ученика? — произнес Сюаньлинцзы.

Сияние меча между его пальцами вспыхнуло с новой силой. Сюаньлинцзы сузил глаза и указал пальцем на Ли Сюэчэня. Тот, прижав руки к лицу, катался по полу в диких муках. Он совершенно не понимал, почему этот человек, который должен быть его собственным учителем, вдруг решил убить его, и почему каждое слетавшее с его уст слово было пропитано чудовищной, всепоглощающей ненавистью.

Не успела ци меча вырваться наружу, как грохот грома в небесах стал еще яростнее. В тот же миг серебряная молния с оглушительным ревом обрушилась с небес, пробив самый пространственный барьер и устремившись прямо на Сюаньлинцзы!

Эта молния не шла ни в какое сравнение с той, что ранее призывал Ло Цяньцин: она была настолько толстой, что превосходила размерами всю каменную комнату, а вокруг разряда непрерывно вились серебряные змеи. От одного взгляда на подобную молнию охватывал первобытный страх — это была небесная кара, достаточная для того, чтобы полностью уничтожить могущественного практикующего на стадии Пересечения Скорби!

Стоило первой серебряной молнии ударить вниз, как Сюаньлинцзы поднял руку, преграждая ей путь.

Следом грянула вторая молния — кроваво-красная, казалось, способная уничтожить небеса и разрушить землю!

Ровно тридцать шесть молний обрушились одна за другой с безумным упорством, и даже лицо Сюаньлинцзы постепенно побледнело, когда он взмахом руки отразил очередную фиолетовую молнию. Грозовые тучи на небесах клубились, собираясь обрушить новую небесную кару, но тут Сюаньлинцзы сузил глаза и гневнокрикнул:

— Я уже пожертвовал столь многим! Неужели ты и впрямь думаешь, что сможешь меня остановить?!

Грозовые тучи на мгновение замерли, но рассеиваться не спешили, продолжая кружить в небе над древними руинами.

В радиусе трехсот ли вокруг хребта Итянь было видно это зловещее свинцово-черное грозовое облако. Тысячи простых смертных падали на колени, непрерывно молясь и вознося молитвы, умоляя небеса не ниспосылать небесную кару. А внутри самой секты Итянь собрались все три старейшины высшего порядка уровня Золотого Ядра, с изумлением взирая на простирающуюся на сотни ли грозовую тучу.

Второй старейшина испуганно произнес:

— Неужели кто-то из могущественных практиков стадии Пересечения Скорби преодолевает небесную скорбь?

Первый старейшина покачал головой:

— Даже о самом почтенном Сюаньлинцзы в прошлом ходили слухи, будто он столкнулся с грозовой тучей радиусом всего в восемьдесят с половиной ли и девяноста девятью небесными карами. Разве найдется в этом мире кто-то, способный превзойти почтенного из горы Тайхуа? Должно быть, это знамение свыше, в мире демонов грядет смута!

Третий старейшина внезапно вспомнил:

— Старший брат, а вдруг дело в руинах того истинного монарха Бэйдоу...

— Чересчур болтаешь! То всего лишь руины практика стадии Зарождения Души, как они могли спровоцировать столь грандиозное знамение?!

В то же время смертные повсюду преклоняли колени с молитвами, а бесчисленные практикующие продолжали ожесточенно спорить.

А внутри тех руин на бесстрастном, красивом лице Сюаньлинцзы не дрогнул ни один мускул. Молча подняв взгляд к небу, он в конце концов убрал ци меча, пнул ногой Ли Сюэчэня в дальний угол и протянул руку, вытягивая из его лба пучок белого света.

— Забудь о случившемся, сегодня я дарую тебе жизнь.

Ли Сюэчэнь с болезненной гримасой еще некоторое время судорожно метался, а затем потерял сознание. Его лицо было багровым, а яд желания, обратившийся в фиолетовую дымку, продолжал бурно циркулировать по его телу, но проснуться он уже не мог, безвольно позволяя яду разрушать его плоть.

Сюаньлинцзы больше не обращал на него внимания. Он обернулся и с безмятежным выражением лица посмотрел на своего ученика, однако, встретившись с ним взглядом, внезапно замер в изумлении.

— Цяньцин!

Сюаньлинцзы торопливо шагнул вперед, схватил Ло Цяньцина за руку и начал передавать ему чистейшую духовную энергию.

Щеки Ло Цяньцина пылали, он уже давно тяжело и непрерывно дышал. Получив же наконец приток духовной силы, он вмиг обрел способность двигаться и уже не мог сдерживать бушевавший в нем яд желания — резко ухватившись за столь желанный прохладный источник, он перевернулся и прижал того к полу. Сюань Линцзы ошеломленно смотрел на происходящее.

Ло Цзяньцин сидел верхом на нем, опустил взгляд и затуманенными глазами глядя на него сверху вниз. Те губы, что прежде звали его учителем, сейчас были красными до кровоточащих капель, манящими. Его прекрасные глаза блестели от выступившей влаги, одежда валялась в полнейшем беспорядке, обнажая красивую и хрупкую ключицу.

Ло Цзяньцин медленно приоткрыл глаза, глядя на того, кого прижал к земле. Увидев лицо этого человека, он ни капли не удивился — лишь хрипло усмехнулся и пробормотал себе под нос: Снова... иллюзия? Иллюзия, иллюзия... Мм...

Из его горла вырвался невнятный, полный двусмысленности стон. Не в силах совладать с собой, Ло Цзяньцин медленно подался вперед, приближаясь к лицу человека подо мной. Он со сложным выражением вглядывался в его черты, скользя взглядом от холодных бровей и глаз к тонким губам, и наконец внезапно опустил голову и поцеловал его!

Сюань Линцзы слегка сузил глаза.

Влажное и горячее дыхание передавалось через соприкасающиеся губы. Ло Цзяньцин закрыл глаза, преданно и страстно целуя того, кто лежал под ним. Его губы ласкали чужие, он легко

посасывал и покусывал их, намереваясь разомкнуть чужие зубы, однако, к его удивлению, те были крепко стиснуты и не открывались ни на йоту.

Целуя долго-долго, Ло Цзяньцин приподнял голову и увидел, что лежащий под ним достопочтенный Сюань Линцзы по-прежнему сохраняет невозмутимость, с равнодушным видом глядя на него — и лишь припухшие от поцелуя губы выдавали то, что только что произошло. Ло Цзяньцин не испытал ни стыда, ни досады: его учитель и должен быть таким, никогда и ничем не колеблемый.

Непревзойденный старший ученик горы Тайхуа негромко смеялся — казалось, он то ли смеялся, то ли плакал. Наконец, не в силах сдерживать бушующий в теле яд похоти, он начал тереться руками о собственные одежды, самостоятельно утоляя свое желание. То, что было ниже пояса, уже давно окаменело и уперлось в живот Сюань Линцзы, но он по-прежнему лишь терзал самого себя, не решаясь сделать еще хоть одно движение первым.

Пояс Ло Цзяньцина был сорван Ли Сюэнем еще раньше. А теперь, от его собственных безумных движений, одеяния окончательно растрепались, и большие участки белоснежной кожи обнажились в прохладном воздухе. Эта кожа отливала розоватым, соблазнительным румянцем, напоминая прекраснейший в мире белый нефрит — настолько завораживающий, что от него захватывало дух.

Сидя на Сюань Линцзы, Ло Цзяньцин в исступлении ласкал себя.

Он даже не заметил, как глаза лежащего под ним мужчины становились все темнее и темнее. Увидев, как пальцы Ло Цзяньцина коснулись его собственной груди, Сюань Линцзы прищурился и одним резким движением перевернулся, прижав Ло Цзяньцина к земле. Долго-долгий миг он со сложным выражением смотрел на своего ученика, после чего перехватил его руку.

Ло Цзяньцин растерянно смотрел на него, и в его глазах плескалось одно лишь исступленное желание. Сюань Линцзы сохранял невозмутимый вид. Он легко склонился, и его холодные губы коснулись пылающего тела, целуя каждый дюйм кожи, к которому только что прикасался этот человек. Наконец он остановился у левого плеча Ло Цзяньцина, принявшись нежно целовать его и оставляя после себя соблазнительно-алые следы. Затем он снова поднял голову и посмотрел на своего ученика, который погряз в пучине вожделения и был уже не в силах вырваться.

Ещё когда Сюань Линцзы только начал свои действия, Ло Цзяньцин уже тяжело и прерывисто дышал. Теперь же он смотрел на него затуманенными, влажными глазами и, с горькой усмешкой в голосе, пробормотал: Учитель, ха-ха, Учитель... м-м...

Жаркий поцелуй обрушился сверху, прерывая то, что Ло Цзяньцин хотел сказать дальше.

Холодный кончик языка скользнул сквозь горячие губы, оглаживая каждый дюйм раскаленной кожи во рту, с отчетливыми чмокающими звуками втягивая пухлые губы. Ло Цзяньцин невольно издал стон. Охваченный страстью, он крепко обнял того, кто был сверху, и подался навстречу, желая, чтобы его приласкали.

Но Сюань Линцзы продолжал лишь целовать его.

Целовал страстно и неистово, словно выплескивая наружу все чувства, что сдерживал долгие годы. Он с жаром покусывал эти мягкие губы, слизывая сладкую влагу и заставляя своего вечно строгого и непорочного ученика издавать томительные стоны.

Рука Сюань Линцзы скользнула в волосы Ло Цзяньцина и вытащила бирюзовую нефритовую шпильку. В тот же миг водопад черных волос рассыпался по плечам, и его яркое, чарующее лицо среди темных прядей стало выглядеть невероятно соблазнительно. Опустив взгляд, Сюань Линцзы созерцал эту картину, и его поцелуи стали еще нежнее.

Он целовал его мягко и долго, и лишь спустя долгое время прервался. Ло Цзяньцин содрогнулся всем телом и прижался к нему, поддавшись вперед обнаженной грудью, но Сюань Линцзы по-прежнему оставался холоден и невозмутим, его взгляд не дрогнул.

Мгновение спустя Сюань Линцзы опустил голову и снова поцеловал эти губы. На этот раз в месте их соприкосновения вспыхнул слабый алый свет. Ло Цзяньцин замер всем телом, обмяк и без сил рухнул на каменный пол, позволив другому целовать себя. Алый свет становился все ярче, и по мере того как проходило время, жар на коже Ло Цзяньцина постепенно спал, а бледная кожа вновь обрела нефритовый оттенок.

Между бровей Сюань Линцзы вспыхнул и замерцал красный свет. В тот самый миг, когда алое свечение между их губами угасло, Сюань Линцзы тут же отпустил Ло Цзяньцина. Словно не желая задерживаться ни на секунду дольше, он забрал всю отраву похоти себе, а затем бережно опустил потерявшего сознание ученика на землю. Сюань Линцзы был одет с безупречной аккуратностью, его облик источал благородную холодность, а на волосах не было ни единой растрепанной пряди — казалось, ничего и не произошло. Он с предельной сосредоточенностью помог Ло Цзяньцину надеть каждую вещь обратно. Выражение его лица было столь холодным и бесстрастным, будто он и впрямь исполнял свой долг перед собственным учеником, не испытывая при этом никаких лишних чувств.

Закончив со всем этим, он медленно поднялся на ноги и посмотрел на круглую циновку, лежащую в каменной комнате.

Сюань Линцзы прищурился, и из его уст прозвучал леденящий душу голос:

— Раз уж ты наблюдал так долго, к чему продолжать прятаться? Ты опорочил доброе имя моего ученика, оклеветал его, назвав исчадием нечисти, из-за чего тот едва не лишился тела, захваченного той лисьей демоницей. Готов ли ты теперь понести наказание за свои грехи?!

<http://bllate.org/book/22487/2370944>